

Научная статья

УДК 343

DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-81-90

**Трансформация криминального «кодекса чести»
в отечественной профессиональной преступной среде:
от дореволюционного принципа взаимовыручки
до современного рационализма**

Кристина Александровна Зарубина

Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия

kris1996z@mail.ru

Аннотация

Работа посвящена исследованию трансформации криминального «кодекса чести» как системы негласных норм и ценностей профессиональной преступности в России. Установлено, что истоки формирования криминальных правил поведения уходят в дореволюционную эпоху, где на их содержание повлияли общинные традиции, сословная структура и ряд иных факторов. В советский период «кодекс чести» выполнял регулятивную, идентификационную и консолидирующую функции, активно адаптируясь к меняющимся политическим и социально-экономическим условиям. В послевоенные и позднесоветские годы «воровские» нормы становились более прагматичными, усиливался акцент на экономической составляющей и взаимодействии с властью, что привело к формированию в профессиональной криминальной среде двойной морали и частичному ослаблению прежней строгости. В постсоветское время в России наблюдается десакрализация «воровских понятий» и утрата их доминирующей роли в регулировании криминальных отношений, вследствие чего профессиональная преступность перешла от модели коллективного выживания к индивидуализированным стратегиям, где приоритетом стали материальная выгода и ситуативная адаптация.

Ключевые слова

профессиональная преступность, криминальное явление, криминальный профессионализм, «воровские понятия», «кодекс чести», криминальные отношения, криминальная субкультура, криминальные нормы, профессиональный преступник

Финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год № 075-03-2026-489.

Для цитирования

Зарубина К. А. Трансформация криминального «кодекса чести» в отечественной профессиональной преступной среде: от дореволюционного принципа взаимовыручки до современного рационализма // Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 2. С. 81–90. DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-81-90

The Transformation of the Criminal «Code of Honor» in the Domestic Professional Criminal Environment: from the Pre-Revolutionary Principle of Mutual Assistance to Modern Rationalism

Kristina A. Zarubina

South-West State University
Kursk, Russian Federation

kris1996z@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the transformation of the «thieves» «Code of Honor» as a system of unspoken norms and values of professional crime in Russia. It is shown that the origins of the formation of criminal rules of behavior go back to the pre-revolutionary era, where their content was influenced by communal traditions, class structure and a number of other factors. During the Soviet period, the Code of Honor performed regulatory, identification and consolidating functions, adapting to changing political and socio-economic conditions. In the post-war and late Soviet years, the «thieves» norms became more pragmatic, the emphasis on the economic component and interaction with the authorities increased, which led to a double morality and a partial weakening of the previous strictness. In the post-Soviet period, Russia has seen the desacralization of «thieves' concepts» and the loss of their role in regulating criminal relations, as a result of which professional crime has shifted from a model of collective survival to individualized strategies where material gain and situational adaptation have become a priority.

Keywords

professional crime, criminal phenomenon, criminal professionalism, «thieves' concepts», «code of honor», criminal relations, criminal subculture, criminal norms, professional criminal

Funding

The article was prepared as part of the state assignment for 2026 No. 075-03-2026-489.

For citation

Zarubina K. A. Transformation of the criminal «Code of Honor» in the domestic professional criminal environment: from the pre-revolutionary principle of mutual assistance to modern rationalism. *Juridical Science and Practice*, 2026, vol. 22, no. 2, pp. 81–90. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-81-90

Профессиональная преступность как устойчивое общественно опасное явление выходит за рамки ситуативного криминального поведения. Она предполагает восприятие такой деятельности, как средства для получения дохода, наличие и использование для совершения преступлений на постоянной основе криминальной специализации, квалификации, преступных связей, а также формирование собственной системы норм и ценностей. Ключевым элементом этой системы является так называемый криминальный «кодекс чести», представляющий собой совокупность неписаных правил поведения, регулирующих внутренние отношения в преступной среде «профессионалов». Этот «кодекс» выполняет ряд функций. Он определяет границы допустимого поведения, обеспечивает дисциплину и иерархию в криминальной среде, формирует доверие членов этой среды в условиях отсутствия правовой защиты, а также легитимизирует статус профессионального преступника внутри данного «корпоративного сообщества». Вместе с тем, являясь частью криминальной субкультуры как неотъемлемого элемента системы преступных отношений, «кодекс чести» не статичен. Он изменяется вместе с условиями, в которых ему приходится существовать, при этом анализ этих трансформаций позволяет определить, как профессиональная преступность меняется со временем, одновременно и адаптируясь, и сохраняя при этом устойчивость субкультурных основ.

Цель настоящего исследования – установить особенности трансформации норм и ценностей отечественной криминальной субкультуры, составляющих основу негласного свода правил поведения преступников-профессионалов (криминального «кодекса чести»), для опре-

деления характера адаптации профессиональной преступности к окружающим условиям в ретроспективном и современном проявлении.

Первоначально определим, что формирование своеобразного преступного «кодекса чести» в России в дореволюционный период сопряжено с выделением из общеуголовной среды преступников-профессионалов как самостоятельных, автономных «субъектов» криминального «ремесла» и единственных носителей устоявшихся в преступной системе отношений и проверенных временем ценностей и норм криминальной субкультуры. Эти процессы окончательно завершились в России во второй половине XIX – начале XX в. с выделением профессиональной преступности как самостоятельного вида преступности, способного к самовоспроизводству и адаптации к окружающим условиям [1, с. 156–164]. При этом отдельно стоит подчеркнуть, что эти нормы и ценности отражали как непосредственные условия формирования и развития профессионального преступного промысла в стране, так и более широкие модернизационные процессы, происходящие в государстве и обществе.

Одной из наиболее устойчивых норм криминальной субкультуры, сформировавшейся в этот период, был запрет на сотрудничество с органами государственной власти и, в первую очередь, – на доносы. В дореволюционной России такой негласный запрет имел более глубокую основу, чем простая реакция на жестокость тюремной охраны. Он отражал общее состояние отчуждения общества от государства, характерное для самодержавного строя на пике развития абсолютизма.

Исторические корни указанного процесса уходят в общинную организацию российского социума, усилившую настроения автономии и независимости как сопротивления происходящим в стране изменениям в условиях «притеснения» в результате консервативных преобразований середины XIX в. большей части населения страны – крестьянства. По справедливым оценкам отдельных исследователей, крестьянская община в это время превратилась в своеобразный институт выживания, функционировавший на основе христианской морали, а сами крестьяне стали еще более активно отстаивать свою независимость от органов государственной власти и полиции [2, с. 1062–1069]. И даже несмотря на либеральные преобразования, в том числе на крестьянскую реформу 1861 г., освободившую крестьян от крепостной зависимости, и судебную реформу 1864 г., внедрившую институт присяжных, адвокатуры, принципы гласности и независимости суда, социум в целом и пенитенциарная система в частности, по верным оценкам исследователей, оставались под жестким контролем власти и полиции. Для общества это означало продолжение практик произвола и насилия, что закрепляло правило «не доносить» как форму сопротивления власти и одновременно как средство поддержания внутренней солидарности группы [3, с. 23–36].

Особое место в системе социальных, а затем и профессиональных преступных отношений занимало так называемое «правило молчания» – отказ выдавать «товарищей» и сообщать властям сведения о побегах или совершенных преступлениях. Эта норма также была не только отражением внутrigрупповой солидарности, но и прямым продолжением общинной традиции защищать своих членов от внешнего вмешательства. При этом в условиях революции 1905–1907 гг., когда недоверие к государству в обществе в целом усиливалось, «правило молчания» в тюрьмах укреплялось как базовая ценность, символизирующая сопротивление репрессивной системе. Таким образом, криминальная субкультура вступала в прямое взаимодействие с политической ситуацией, трансформируясь под влиянием массовых форм социального протеста и сохраняя устойчивость под воздействием традиционных основ устройства общества.

Исходя из общих коллективных начал «выживания» российского социума, уходящих корнями в крестьянскую общину, сформировалась и другая негласная норма поведения – взаимопомощь, которая активно проявлялась в среде узких социальных групп, например, между заключенными, отбывающими наказание в виде лишения свободы на протяжении длительного периода в различных пенитенциарных учреждениях Российской империи. Эти негласные правила поведения выражались в обязанности делиться пищей, одеждой и денежными

средствами, и нарушение таких норм влекло серьезные санкции со стороны заключенных. Данная практика была прямым продолжением традиции круговой поруки, ставшей еще более устойчивой в «деревенской России» после крестьянской реформы 1861 г. В условиях, когда государство не смогло обеспечить элементарных условий содержания в тюрьмах – хроническая нехватка продовольствия, отсутствие медицинской помощи, переполненность камер стали нормой, – заключенные были вынуждены воспроизводить механизмы социальной поддержки, выработанные в сельской общине. Например, при поступлении в тюрьму в рассматриваемый период было принято уплачивать так называемую «входную» (денежные средства, которые предназначались для поддержания арестантов, разделяемые поровну между ними). Такая «касса взаимопомощи» (прообраз «воровского общака») позволяла «выручать» в случае затруднительного материального положения своих «коллег» по «преступному цеху» [4, с. 153]. Так, криминальный принцип взаимопомощи стал не только внутренним правилом поведения в среде «профессионалов», но и своеобразным отражением традиционных форм социальной организации российского общества.

Кроме того, отметим, что внутренняя иерархия преступников-профессионалов, сформировавшаяся первоначально в среде заключенных, где «старые» профессиональные преступники обладали высшим статусом (например, так называемые «иваны»), а новички (к примеру, «шпанки» занимавшие низшее положение в криминальной иерархии, которых всячески эксплуатировали) оказывались на периферии [5, с. 77–83], фактически воспроизводила сословный порядок Российской империи, при котором принадлежность к «высшему» или «низшему» сословию определяла социальные возможности и доступ к ресурсам. Усиление роли наиболее «мастеровитых» преступников как носителей «воровской чести» стало особенно заметным на фоне активного развития экономики страны в конце XIX – начале XX в. и дальнейшему социальному расслоению населения по материальному статусу.

В совокупности эти и иные нормы, составляющие основу формирующегося в профессиональной преступной среде «кодекса чести», не только обеспечивали выживание преступников-профессионалов в условиях трансформации системы отношений в социуме, но и выполняли более широкую функцию – они становились институциональной основой профессиональной преступности. Поддержание криминальной иерархии, запрет на сотрудничество с властями, коллективная взаимопомощь и прочее представляли собой систему, аналогичную корпоративным кодексам в купеческой или ремесленной среде, однако противопоставленную государству. Так, в условиях, когда государство не смогло предложить эффективных правовых механизмов ресоциализации и предупреждения преступности в целом и профессиональной преступности в частности, именно криминальные нормы выполняли функции регулирования и интеграции, хотя и в пределах закрытого криминального сообщества «профессионалов».

Феномен воровского «кодекса чести» является ключевым элементом институциональной структуры советской профессиональной преступности. Он представляет собой систему неписаных норм, регулирующих поведение членов высшего криминального сообщества, обеспечивающих внутреннюю консолидацию этой группы преступников и определяющих систему взаимоотношений внутри этой среды.

Современные исследования справедливо утверждают, что окончательное закрепление большинства неписанных правил поведения в профессиональном преступном мире (установление норм криминального «кодекса чести») произошло после появления так называемых «воров в законе», являющихся с 1920–30-х гг. наиболее уважаемыми и почитаемыми в советской криминальной среде преступниками [6, с. 98; 7, с. 404–414; 8, с. 18–22; 9, с. 109–110]. «Кодекс» в это время выполнял, в первую очередь, регулятивную функцию. Он нормировал взаимоотношения, минимизировал внутригрупповые конфликты и обеспечивал предсказуемость взаимодействия внутри этой среды. Во-вторых, он имел идентификационную функцию, позволяя выделять «воров в законе» как элиту преступного мира. И, наконец, выполнял консолидирующую функцию, укрепляя автономию профессионального криминального сообщества. Однако

трансформация норм воровского кодекса в указанный период происходила не произвольно, а в тесной взаимосвязи с модификацией социально-экономических, политических и культурных условий советской эпохи, вследствие чего считаем необходимым рассмотреть некоторые из них.

В первую очередь, укажем, что политико-идеологические столкновения сторонников и противников Октябрьской революции 1917 г. (а следовательно, и советской власти) привели не только к изменению системы социальных отношений, но и к трансформации в структуре профессионального криминалитета. Так, сразу после Октябрьской революции многие политические оппоненты советской власти встали на путь криминала исключительно из идеологических соображений и стали называться «жиганами» (озорниками, пройдохами, дерзкими молодыми преступниками, тюремным «пролетариатом»), возглавляя молодые преступные группировки. Естественно, они создавали новые правила поведения, обычаи и традиции криминального мира, адаптируя уже существовавшие «законы» к новым реалиям времени. Их противники – преступники из низших категорий криминальной иерархии, так называемые «урки» (по одной версии – сокращение царской полиции от «уголовно-регистрируемого контингента»; по другой – производная от псковских, тверских, вятских диалектов «уркать» – ворчать, кричать, бурчать, употребляемая в отношении отдельных категорий заключенных), которые были не согласны с выдвижением новых преступных лидеров, в связи с чем конфликт между представителями разных «поколений» преступников обострился. На этой почве и сформировалась новая «каста» криминальных лидеров, особо почитаемых всем преступным миром, именуемых в дальнейшем «ворами в законе» [6, с. 98–99], в результате чего политический кризис, смена верховной власти в государстве повлияли не только на изменение социальной структуры общества, но и на организацию криминальной иерархии, а значит, и на развитие профессиональной преступности в целом.

В послевоенный период в криминальной среде профессиональных преступников назрел очередной кризис, обусловленный возвращением в уголовно-исправительные учреждения значительного числа бывших фронтовиков. Отдельно подчеркнем, что традиционный «воровской закон» категорически запрещал любую форму сотрудничества с органами государственной власти, включая запрет на службу в армии. Однако многие ветераны имели боевые награды и высокий статус в обществе, что делало невозможным их автоматическое исключение из «лагерной среды». Это вызвало серию жестоких конфликтов между «чистыми ворами» и так называемыми «суками», нарушившими указанные негласные нормы. Данный период получил название «сучьих войн», в ходе которых преступный «кодекс чести» подвергся качественному изменению, став более адаптивным к социальным перестройкам. В частности, в воровском мире был снят строгий негласный запрет на службу в вооруженных силах [9, с. 109–110].

Продолжение институциональной адаптации «кодекса чести» приходится на 1960–80-е гг., когда советская пенитенциарная политика претерпела изменения. В этот период она характеризовалась усилением репрессивной составляющей, особенно в период брежневского «застоя», когда произошло увеличение числа заключенных, частичное ужесточение режима содержания и совершенствование воспитательных практик. Кроме того, в стране в целом менялась социально-экономическая политика, предоставляющая на фоне «оттепели» и последующей «перестройки» гражданам большую самостоятельность в распределении экономических ресурсов, что также повлияло на внутреннее устройство преступной среды «профессионалов».

В результате, во-первых, появились новые «категории» заключенных – профессиональные экономические преступники, которые по особенностям ведения криминального образа жизни (большей ориентации на извлечение материальной выгоды) и мировоззренческим установкам, значительно отличались от традиционных профессиональных уголовников. Их интеграция в криминальную среду требовала корректировки «кодекса», многие нормы становились более

гибкими, допуская разные формы участия этих «профессионалов» в «лагерной» экономике [10, с. 86–99].

Во-вторых, в это время усилилась роль «смотрящих» и «положенцев». В условиях усложнения лагерного управления профессиональная преступность выработала систему делегирования власти. «Воры в законе» стали активно назначать доверенных лиц для контроля над «зонами» и распределением ресурсов. Этот процесс означал отход от строгого требования «вор всегда лично несет ответственность» и формировал более бюрократизированную модель управления криминальным миром [11, с. 42–47].

В-третьих, в этот период усилился прагматический уклон в отношении труда. Если ранее «воровской закон» категорически запрещал участие в любой форме легального труда, то с ростом лагерного хозяйства и развитием теневой экономики внутри исправительно-трудовых учреждений этот запрет начал ослабевать. Фактически «воровские» элиты могли контролировать производственные процессы через посредников, оставаясь «верными» символическому табу, но извлекая выгоду из трудовой активности других [9, с. 109–110].

Отдельно подчеркнем, что в условиях позднесоветского кризиса и роста теневой экономики «воровской кодекс» подвергся еще большей прагматизации. Наблюдалось смягчение ритуальной строгости. Жесткие предписания (например, обязательство «умереть на нарах» или запрет иметь семью) постепенно отходили на второй план. Их практическая реализация стала редкой, а нарушение в ряде случаев перестало влечь за собой автоматическую «раскоронацию» [11, с. 42–47]. Также отмечается некая экономизация статуса «вора в законе», поскольку именно в период «перестройки» ключевым ресурсом воровской иерархии стало не только соответствие моральным нормам, но и способность аккумулировать и распределять материальные ресурсы, в результате чего в среде профессиональных преступников появляется новая логика: авторитет «вора» измеряется не только его криминальным опытом, но и вкладом в «общак». Кроме того, на фоне общего кризиса управления и коррупции внутри правоохранительной системы профессиональная преступность начала выстраивать еще более тесные контакты с представителями власти. Несмотря на формальный запрет на такого рода взаимоотношения в «кодексе», подобные взаимодействия не всегда приводили к санкциям. Возникал феномен «двойной морали», когда официальные табу сохранялись в риторике, но на практике допускались нарушения ради выживания и контроля над потоками материальных ресурсов [12].

Так, история развития криминального «кодекса чести» в СССР показывает, что профессиональная преступность обладала собственной системой социальных норм, которая была одновременно устойчивой и динамичной. Под давлением социально-экономических изменений и политических реформ происходила адаптация правил: от первоначальной строгости к прагматизации и функциональной гибкости. Однако «базовые» криминальные ценности – автономия от государства, культ репутации, иерархическая структура и другие – сохранялись на протяжении длительного времени.

После распада СССР профессиональная преступность оказалась в новых социально-экономических, политических и культурных условиях, формируемых процессами демократизации всех институтов общества и государства, установлением рыночной системы хозяйствования со своими ценностями и нормами, что неизбежно привело к трансформации криминального кодекса.

В первую очередь, укажем, что в современности мораль «воров в законе» сохраняет, скорее, символическую, чем практическую значимость. С. А. Кутякин верно отмечает, что даже сотрудники уголовно-исполнительной системы фиксируют несоответствие реальной практики преступных авторитетов провозглашаемым ими нормам. Исследователь справедливо подчеркивает, что современные «воровские понятия» выполняют чаще всего «декоративную» роль, в то время как повседневные стратегии поведения определяются экономическим интересом и стремлением к личному материальному благополучию. Более того, утрата материальной независимости и изменение структуры криминального мира после распада СССР привели

к тому, что прежние моральные императивы были вытеснены логикой выживания и адаптации в условиях развития рыночной системы хозяйствования, имеющей иные (отличные от советских) ценностные ориентиры [13, с. 382–389].

Так, сегодня наблюдается процесс десакрализации криминального кодекса. Его положения сохраняются в коллективной памяти профессиональных преступников, однако фактическая регуляция криминальных отношений осуществляется иными механизмами – преимущественно экономическими и ситуативными. В результате профессиональная преступность перестала быть исключительно формой коллективного выживания и стала аренной индивидуальной конкуренции.

Эти процессы усугубляются и изменением специфики деятельности преступников-профессионалов. Соглашаясь с мнением исследователя В. В. Тулегенова, подчеркнем, что в настоящее время для успеха совершения преступлений на профессиональной основе в группе преступное формирование должно функционировать как единый слаженный механизм, где каждый член этого формирования психологически совместим с другими членами, уровень профессионализма соучастников определяется как паритетный, а лидер способен генерировать только «рациональные и продуктивные идеи или сценарии», иначе преступная деятельность криминального формирования будет обречена на провал, и ни на какое систематическое получение преступного дохода членам такого объединения рассчитывать не придется [14, с. 100–104]. Вследствие этого для современных преступников-профессионалов с целью обеспечения неуязвимости к уголовному преследованию более предпочтительны становятся индивидуальные формы преступной деятельности, не требующие значительной консолидации и конспирации и обуславливающие на этом фоне изменение сущности «воровских понятий» в русле отказа от «сковывающих» индивидуальную профессиональную преступную деятельность правил поведения.

В качестве примера укажем на практически полное отсутствие криминальных норм и ценностей внутри групп отдельных преступных профессий. Так, в настоящее время исследователи справедливо выделяют так называемых «цифровых» преступников-профессионалов (профессиональных хакеров, создателей вредоносных программ, операторов ботнетов, фишеров, кардеров и др.), которые имеют специальные технические навыки, непрерывно изобретают новые способы совершения преступлений на постоянной основе, однако не обнаруживают в своих действиях приверженности нормам и ценностям криминальной субкультуры [15, с. 75–82; 16, с. 97–100]. В результате фактически единственным ориентиром для такой общественно опасной деятельности является потребность в постоянном доходе от совершения преступлений и обеспечение их неуязвимости от уголовного преследования. Как видим, цифровая среда в настоящее время создала новую модель для ведения на профессиональной основе преступной деятельности: децентрализованную, индивидуализированную и лишенную моральных обязательств.

В целом можно заключить, что в современности с исчезновением в профессиональной преступной среде «кодекса чести» в «классическом виде» внутри этой среды возник феномен некоего «этического вакуума». Анализ трансформации криминальной субкультуры позволяет утверждать, что криминальный кодекс сегодня утратил свое значение как моральный регулятор. Его место заняли механизмы прагматической рациональности, основанные на индивидуализме и растущих материальных потребностях. Профессиональный преступный мир перешел от модели «сообщества чести» к модели «рынка услуг», где главным критерием является эффективность, а доверие и репутация подменяются собственными интересами. В этом заключается ключевая черта современной профессиональной преступности – утрата внутренних норм и ценностей при сохранении высокой степени адаптивности.

Таким образом, «кодекс чести» профессиональных преступников, будучи изначально сформированный как внутренняя нормативно-ценностная система, обеспечивающая выживание и воспроизводство криминального сообщества «профессионалов», претерпел сложный

путь трансформации. В дореволюционный и ранний советский периоды он играл роль фундаментального института, консолидирующего преступное сообщество и выполнявшего функции социальной регуляции в условиях дефицита легитимных общественных институтов. Однако динамика социально-экономических, политических изменений второй половины XX – начала XXI в. обусловила постепенную эрозию его нормативного содержания, приведя к десакрализации «воровских понятий» и их замещению прагматическими стратегиями поведения. Современная профессиональная преступность демонстрирует отход от модели коллективной солидарности и моральной регуляции в пользу индивидуализации, прагматической рациональности. В результате в данной среде сформировался своеобразный «этический вакуум», где прежние ценностные ориентиры уступили место приоритету личной выгоды и ситуативной адаптации. При этом сохраняется ключевая черта профессиональной преступности – высокая способность к самовоспроизводству, однако уже за счет действия иных институциональных основ, не связанных с сохранением и преумножением криминальных норм и ценностей как части преступной субкультуры.

Список литературы

1. Зарубина К. А. К вопросу об условиях формирования и развития профессиональной преступности в дореволюционной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 156–164.
2. Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Общественные настроения крестьян и аграрная утопия в работах русских неонародников // Вестник ТГУ. 2022. № 4. С. 1062–1069.
3. Сапрунова Я. Р. Возникновение и эволюция субкультуры преступников в дореволюционной России // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 6. С. 23–36.
4. Анисимков В. И. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 204 с.
5. Зарубина К. А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период // Вестник ННГУ. 2022. № 6. С. 77–83.
6. Ефимкин М. С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98.
7. Клейменов М. П., Корнеев Д. В. Криминальные лидеры вчера и сегодня // Вестник ОмГУ. 2012. № 3 (65). С. 404–414.
8. Важенин В. В., Васильченко Д. А., Зуев Е. А. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 18–22.
9. Мальчук О. И. История развития феномена «вор в законе» // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 109–110.
10. Кривошеев В. В. Организованная преступность в советской России: парадокс институционализации. Часть первая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 86–99.
11. Бессонов В. А., Дягилев А. А. «Вор в законе» как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: ретроспективный анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 42–47.
12. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный документ]. URL: <https://yurpsy.com/files/biblio/gurov/08.htm> (дата обращения: 28.09.2025).
13. Кутякин С. А. «Воры в законе» и их сателлиты глазами сотрудников уголовно-исполнительной системы России (опыт социологического исследования) // Человек: преступление и наказание. 2022. № 3. С. 382–389.
14. Тулегенов В. В. Индивидуальный и групповой криминальный профессионализм // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 100–104.

15. **Каримов А. М.** Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 1 (51). С. 75–82.
16. **Хисамова З. И.** Кардерство в современной России // Вестник КРУ МВД России. 2012. № 3 (17). С. 97–100.

References

1. **Zarubina K. A.** On the conditions of formation and development of professional crime in pre-revolutionary Russia. *Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2024, no. 1 (77), pp. 156–164. (in Russ.)
2. **Vyazinkin A. Yu., Yakimov K. A.** Public moods of peasants and agrarian utopia in the works of Russian neo-populists. *Bulletin of Tver State University*, 2022, no. 4, pp. 1062–1069. (in Russ.)
3. **Saprunova Ya. R.** The emergence and evolution of the subculture of criminals in pre-revolutionary Russia. *Bulletin of Science and Practice*, 2018, vol. 4, no. 6, pp. 23–36. (in Russ.)
4. **Anisimkov V. I.** Russia in the mirror of prison criminal traditions. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. 204 p. (in Russ.)
5. **Zarubina K. A.** On the development of criminal subculture in Russia in the pre-revolutionary period. *Bulletin of Nizhny Novgorod State University*, 2022, no. 6, pp. 77–83. (in Russ.)
6. **Efimkin M. S.** The role of «thieves-in-law» in the organization of criminal activity. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 4, pp. 98. (in Russ.)
7. **Kleimenov M. P., Korneev D. V.** Criminal leaders yesterday and today. *Bulletin of Omsk State University*, 2012, no. 3 (65), pp. 404–414. (in Russ.)
8. **Vazhenin V. V., Vasilchenko D. A., Zuev E. A.** Regularities of formation and development of the highest criminal estate in Russia. *Society and Law*, 2015, no. 4 (54), pp. 18–22. (in Russ.)
9. **Malchuk O. I.** The history of the development of the “thief-in-law” phenomenon. *Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 5, pp. 109–110. (in Russ.)
10. **Krivosheev V. V.** Organized crime in Soviet Russia: the paradox of institutionalization. Part one. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 3, pp. 86–99. (in Russ.)
11. **Bessonov V. A., Dyagilev A. A.** «Thief-in-law» as a person occupying the highest position in the criminal hierarchy: a retrospective analysis. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (52), pp. 42–47. (in Russ.)
12. **Gurov A. I.** Professional crime: past and present [Electronic document]. URL: <https://yurpsy.com/files/biblio/gurov/08.htm> (accessed 28.09.2025). (in Russ.)
13. **Kutyakin S. A.** «Thieves-in-law» and their satellites through the eyes of employees of the penal system of Russia (experience of sociological research). *Man: Crime and Punishment*, 2022, no. 3, pp. 382–389. (in Russ.)
14. **Tulegenov V. V.** Individual and group criminal professionalism. *Man: Crime and Punishment*, 2016, no. 1 (92), pp. 100–104. (in Russ.)
15. **Karimov A. M.** Crimes in the field of computer information and crimes committed using information and communication technologies: a comparative legal aspect. *Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (51). pp. 75–82. (in Russ.)
16. **Khisamova Z. I.** Carding in modern Russia. *Bulletin of the Khabarovsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 3 (17), pp. 97–100. (in Russ.)

Информация об авторе

Кристина Александровна Зарубина, кандидат исторических наук

Information about the Author

Kristina A. Zarubina, Candidate of Historical Sciences

*Статья поступила в редакцию 06.10.2025;
одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 13.04.2026*

*The article was submitted 06.10.2025;
approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 13.04.2026*